

16+

ВЕСПЕРА ХОЛЛОУЗЫ

НАЁМНИЦА В ТЕЛЕ РЕБЁНКА

Веспера Холлоуэй

Необычный наёмник

<https://litres.ru/74267838>

SelfPub; 2026

Аннотация

Для всех она — обычный подросток из приёмной семьи. Но за маской скрывается холодный расчётливый убийца, наделённый сверхъестественной силой. Её мир рушится, когда бдительный детектив, друг и напарник её нового отца, начинает подозревать неладное. Теперь ей предстоит сделать выбор: устранить угрозу или попытаться сохранить хрупкое подобие семьи, которое у неё есть. Смогут ли палач и служитель закона найти общий язык, или их противостояние закончится трагедией?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	33
Глава 6	40
Г	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Веспера Холлоуэй

Необычный наёмник

Глава 1

Последний удар школьного звонка, пронзительный и металлический, не прозвучал – он разорвал утреннюю сонную атмосферу, словно стеклорез по шёлку. Он был не призывом, а катарсисом, точкой отсчёта, разделившей предрассветную тишину и грядущий хаос. Двери классов распахнулись, и в длинный, залитый пасмурным лондонским светом коридор хлынула живая, многоцветная река. Гомон голосов, скрип подошв, смех, отрывистые фразы – всё это слилось в один сплошной, оглушительный гул, фон, против которого сознание Сакиэр Ли воздвигало свои непроницаемые стены.

Она двигалась в этом потоке, как чёрная субмарина в тёплых водах Гольфстрима. Её подруга, Лилиан, была её полярной противоположностью, её личным солнечным зайчиком в этом царстве теней. Лилиан, с её золотистыми волосами, уложенными в небрежную, но идеальную волну, и глазами цвета летнего неба, парила впереди, облачённая в лёгкое голубое платье, которое колыхалось при каждом шаге. Её сумка, переброшенная через плечо, билась в такт её энергичной походке, а речь лилась безостановочно, подобно ручью – о

вчерашнем сериале, о новом платье, о глупом поступке одноклассника.

Сакиэр шла рядом. Её мир был стерилен и монохромен. Чёрные брюки, облегающие, словно вторая кожа, не издавали ни звука. Чёрная рубашка, расстёгнутая на один воротничок, отбрасывала лёгкую тень на ключицы. Чёрные туфли на массивной платформе отбивали на каменном полу чёткий, отстранённый ритм, не спешащий ни за кем. В одной руке она сжимала картонный стаканчик с американо – её единственная утренняя литания, горькая и обжигающая. Другая рука была погружена в карман брюк, пальцы лежали там расслабленно, но готовые в мгновение ока сжаться в кулак или извлечь лезвие.

Её чёрные волосы, прямые и тяжёлые, как расплавленный обсидиан, открывали высокий лоб и безупречную линию скул. Они ниспадали на спину, достигая лопаток, холодным, идеально гладким водопадом. Но главным были её глаза. Глаза-щели, глаза-амбразуры. Лисьи, раскосые, они были цвета ночи без звёзд. В них стоял вечный лёд, и в их глубине таилась насмешка, холодная и острая, как скальпель. Она не слушала Лилиан. Она делала вид, время от времени кивая или издавая короткий, нейтральный звук, достаточный, чтобы поддерживать иллюзию диалога. Её настоящим занятием был осмотр территории.

Её взгляд, безразличный и тяжёлый, скользил по коридору, сканируя, анализируя, каталогизируя. Она видела не де-

тей, а стадо. Стадо наивных, громких, беззаботных существ, чьи самые большие трагедии – это несданный тест или неразделённая симпатия. Уголки её губ были чуть приподняты в том, что можно было принять за полуулыбку, но на самом деле это был хищный оскал, сдержанный и усталый. Для неё средняя школа в Хаммерсмите или Ислингтоне была не учреждением образования, а самым настоящим театром абсурда, сценой, на которой копошились глупые и наивные актёры, даже не подозревавшие, что за ними наблюдает режиссёр, знающий финал каждой пьесы.

Кабинет биологии пах формалином, старыми книгами и пылью. Сакиэр заняла место у окна, позволяя Лилиан устроиться рядом. Учитель, мистер Эдгарсон, человек с седыми бакенбардами и вечно взволнованным видом, рассекал на проекторе изображение клетки митоза. «...и здесь, как вы видите, хромосомы выстраиваются по экватору, готовясь к делению...» Голос его был монотонным гулом. Сакиэр смотрела в окно, на клочок серого неба между кирпичными стенами. Она думала не о хромосомах, а о манипуляции материей на клеточном уровне. Мистер Эдгарсон видел на слайде лишь схему. Она же видела танец жизни и смерти, который могла остановить или исказить одним усилием воли. Её пальцы бессознательно постукивали по крышке стола, отбивая тот же неторопливый ритм, что и её туфли. Мысленно она уже репетировала возможные сценарии: как заставить клетку сердца целевого субъекта просто... перестать делить-

ся. Естественная смерть. Идеальное убийство, не оставляющее следов. Её губы снова тронула та же холодная усмешка.

Лилиан заметив это, прошептала, — Тебе нравится биология?

Сакиэр медленно перевела на неё свой взгляд. — Это достаточно информативно, — произнесла она голосом, лишённым каких-либо эмоциональных вибраций, звуком, похожим на лёгкое касание стали.

Столовая была адом, воплощённым в шуме и запахах. Воздух был густым от ароматов жареной картошки, подгоревшего тоста и сладкого кетчупа. Сакиэр, с подносом в руках, двигалась к их привычному столу с грацией пантеры, обходя стайки первоклашек и громоздкие рюкзаки. Она выбрала самый острый соус, что был в меню, и чашку чёрного кофе. Еда была для неё не удовольствием, а необходимостью, топливом. Острое – единственное, что могло пробиться сквозь её вечную эмоциональную анестезию, напоминая ей, что она жива, что у неё есть нервы, которые можно обжечь.

Лилиан, тем временем, с удовольствием поглощала пасту, продолжая свой безостановочный монолог. Сакиэр сидела напротив, отпивая маленькими глотками горький кофе. Её поза была закрытой, локти на столе, подбородок почти касался сложенных кистей рук. Она наблюдала. Она видела, как футболисты громко хвастались у соседнего стола, как девочки из младших классов смущённо перешёптывались, ки-

дая взгляды на старшеклассников. Весь этот примитивный, кипящий гормоном социум был для неё открытой книгой, написанной на примитивном языке, который она выучила, чтобы маскироваться.

Спортивный зал. Паркет блестел под ярким светом люминесцентных ламп. Сакиэр ненавидела командные игры. Футбол, баскетбол, волейбол – всё это было хаотичным, неэффективным и глупым. Беготня за одним мячом, крики, толкотня... это оскорбляло её чувство порядка и контроля. Но когда дело доходило до физических нормативов, она была вне конкуренции.

Её тело, скрытое под мешковатой формой, было идеальным инструментом – стройным, но спортивным, лишённым и грамма лишнего жира. Каждое движение было выверено, экономно и смертельно эффективно. Когда она бежала стометровку, это не был бег – это было низкое, стремительное скольжение. Её лицо оставалось абсолютно бесстрастным, в то время как другие корчились от усилия. Она не получала удовольствия от победы; для неё это было так же естественно, как дышать. Учитель физкультуры смотрел на неё с восхищением и лёгкой опаской. В её глазах он читал не радость спорта, а холодную концентрацию хищника на охоте.

Пять уроков пролетели, как один длинный, монотонный день. Когда школьные ворота остались позади, Сакиэр ощутила лёгкое, почти физическое освобождение. Дорога домой была ещё одним ритуалом – переходом из одной роли в дру-

гую.

Дом был типичным для лондонского предместья – аккуратным, кирпичным, с зелёным газоном. Войдя в прихожую, она почувствовала знакомые запахи – полировки для мебели и чего-то, что готовили на кухне.

— Привет всем. Я пришла, — крикнула она, не повышая голоса, но он прозвучал чётко и ясно, разносясь по тишине гостиной.

Навстречу ей, вихрем, вылетел её младший брат, семилетний Итан. Его лицо сияло от восторга. — Саки!

Она протянула руку и потрепала его по взъерошенным волосам. Жест был механическим, заученным, но в нём, возможно, и была тень чего-то настоящего, крошечная частица той привязанности, которую она как собственник испытывала к немногим «своим» вещам и людям. Не отвечая на его восторженную тараторку, она прошла на кухню, где автоматически сварила себе новую порцию кофе в турке, доведя его до нужной степени горечи, и, не задерживаясь, поднялась в свою комнату.

Её комната была крепостью. Миром, отгороженным от внешней глупости и шума. Стены были выкрашены в глубокий, поглощающий свет индиго, почти чёрный. Ни плакатов, ни безделушек. Только функциональность и атмосфера. Узкая, строгая кровать, застеленная чёрным же одеялом. Длинные, высокие, до самого потолка, стеллажи, ломящиеся от книг – от трактатов по квантовой физике и философии

Нищше до классической литературы и мануалов по боевым искусствам. Большой дубовый стол, на котором царил идеальный порядок, и массивное кожаное кресло.

Она села, поставила чашку с кофе рядом с клавиатурой и включила свой мощный компьютер. Система загрузилась беззвучно. Она запустила браузер и специальную программу-шифровальщик.

Проверка почты была частью её вечернего ритуала. Среди писем от виртуальной библиотеки и школьных рассылке было одно, помеченное особым, невидимым для посторонних глаз, значком. Адрес отправителя был случайным набором символов. Задание.

Она не открыла его. Не сейчас. Сейчас было время для другой жизни. Она отложила это на ночь, когда дом погрузится в сон, и она сможет стать тем, кем была на самом деле. Быстро, почти не задумываясь, она сделала уроки – для её острого, аналитического ума школьные задачи были детской забавой. Затем она спустилась вниз, на кухню, чтобы помочь матери.

Её приёмная мать, Элейн, женщина с добрыми, уставшими глазами, уже хлопотала у плиты. — Как день, дорогая? — спросила она, передавая Сакиэр нож и лук.

— Обычно. — односложно ответила Сакиэр, её пальцы уверенно и быстро принялись шинковать овощи. Её движения были столь же выверенными на кухне, сколь и в спорт-зале или в тёмной аллее при исполнении задания.

Отец, Алан, должен был скоро вернуться. Он был начальником отдела в одном из полицейских участков Лондона. Ирония судьбы не ускользала от Сакиэр и вызывала у неё ту самую, внутреннюю, ледяную усмешку. Она, самый разыскиваемый призрак в мире наёмников, жила под крышей человека, который клялся защищать закон. Он часто приносил за ужином новости с работы – о дерзких ограблениях, о нераскрытых делах, о загадочных смертях, в которых полиция не находила следов насилия.

Сакиэр слушала его рассказы, попивая воду и глядя на него своими чёрными, невыразительными глазами. И где-то в глубине её души, за непроницаемой маской четырнадцатилетней девочки, шевелилось холодное, хищное любопытство. Узнает ли он когда-нибудь? Увидит ли когда-нибудь в дочери не ребёнка, а того, кого он ищет по ту сторону закона? А пока она была всего лишь Сакиэр Ли. Ученицей. Дочерью. Сестрой. Идеальной маскировкой для идеального оружия, ждущего своего часа в сумеречном лондонском свете.

Глава 2

Глубина ночи опустилась на спящий дом подобно густому, бархатному покрывалу. В тишине, нарушаемой лишь мерным тиканьем напольных часов в гостиной, таилась иная, плотная и звенящая субстанция. Стрелка на наручных часах Сакиэр, тонком хронографе с матово-чёрным циферблатом, беззвучно сошлась на отметке двенадцати. Полночь. Время, когда стирается грань между мирами, и на поверхность выползают тени.

Она не стала переодеваться. Её школьная униформа, чёрные брюки и рубашка – была её второй кожей, идеальным камуфляжем, не привлекающим внимания. Лишь накинула сверху длинный, строгий пиджак из тонкой шерсти, который скрыл очертания её тела и придал ей вид одинокого студента, засидевшегося допоздна. Движения её были отработаны до автоматизма, лишённые малейшего намёка на суету. Она присела на корточки, и её пальцы, холодные и точные, нашли под кроватью почти неощутимую защёлку. Раздался тихий щелчок, и из потаённого ниша выдвинулся матово-чёрный кейс из баллистического пластика, с цифровым замком. Она ввела код – дата смерти её биологических родителей, единственное число, которое она не позволяла себе забыть.

Внутри, на чёрном бархате, лежали инструменты её ночной профессии, разложенные с почти религиозной точно-

стью. Взгляд её скользнул по содержимому, не задерживаясь. Она извлекла пистолет «Глок» с привинченным цилиндрическим глушителем. Тяжёлый, холодный, он привычно лёг в её ладонь. Быстрым движением она закрепила его за поясом на спине, под пиджаком, где он исчез, словно его и не было. Затем взяла два длинных, плоских ножа-стилета. Их полированные клинки, лишённые бликов, были узкими и смертоносными, как иглы. Лёгким нажатием она упрятала их в специальные ножны, вшитые в голенища её ботинок на платформе. Tактический телефон, чёрная лаконичная пластина, скользнул в карман брюк. Последним штрихом стала обычная тканевая маска чёрного цвета, скрывшая нижнюю часть её лица и превратившая её в безликую сущность, в призрак.

Задание она прочитала час назад. Оно было кратким, как приговор: «Аннигиляция. Незаконный обмен. Объект – флешка в чёрном портфеле. Локация – складской комплекс в Доклендсе. Все свидетели – расходный материал».

Подойдя к окну, она откинула створку без единого скрипа. Ночь встретила её прохладным, влажным дыханием, несущим запахи асфальта, Темзы и далёких выхлопов. Без разбега, с грацией падающей кошки, она выпрыгнула в темноту, её пальцы на долю секунды зацепились за водосточную трубу, гася инерцию, и вот её чёрный силуэт уже растворялся в гуще переулков, движущийся бесшумно, как дым.

Спустя час она уже стояла перед целью. Большое, старое трёхэтажное здание из почерневшего от времени кирпича

возвышалось перед ней, как гнилой зуб. Ржавые пожарные лестницы, забитые досками окна, разбитые фонарями у входа. Но внутри, за толстыми стенами, кипела жизнь. Более пятидесяти человек – охрана, подручные, технический персонал.

В центре главного зала, под единственной мигающей лампой, окрашивавшей пространство в тревожный алый цвет, стояли двое мужчин в дорогих, но мешковатых костюмах, выданных нервным напряжением. Их диалог был тихим, шипящим, полным скрытых угроз.

— Где деньги? Сначала я проверяю информацию, — сипел один, с лицом, изборозждённым шрамами.

— Деньги здесь. Но если это фейк... — второй, полный, с потными ладонями, сжимал ручку кейса с пачками стодолларовых купюр. Они были готовы убить друг друга в любую секунду. Они не знали, что смерть уже среди них.

Сакиэр проникла через чёрный ход – запасной выход в подвале, который, согласно плану здания, должен был быть завален мусором. Он и был завален, но не настолько, чтобы помешать ей. Первые пятеро охранников, кутивших в узком коридорчике, даже не успели понять, что происходит. Те ни шевельнулись. Послышался негромкий, сухой хруст, похожий на ломающиеся сухие ветки. Один, два, три, четыре, пять. Она не тратила времени на лишние движения. Подход, точный удар основанием ладони, резкий поворот головы с рассчитанным усилием. Тела оседали на пол беззвучно. Она

шагнула через них, даже не взглянув, и двинулась дальше, вглубь лабиринта тёмных коридоров.

Следующие десять минут стали симфонией тишины, прерываемой лишь короткими, приглушёнными звуками. Она стала тенью, невидимым убийцей. Её ножи выскальзывали из ножен, и в следующее мгновение уже находили свою цель — обнажённые шеи, участки под мышками, где кевларовые жилеты были бессильны. Глухое, булькающее хрипение, тихий стон, мягкий звук падающего тела. Она двигалась сквозь ряды бандитов, как смертоносный вихрь, её чёрные глаза, казалось, видели в темноте так же ясно, как и днём. Она не просто убивала; она очищала пространство, методично и без эмоций, как садовник выпалывает сорняки.

В зале, где шла сделка, два «босса» уже почти пришли к соглашению. Их пальцы нервно барабанили по рукояткам пистолетов. — Ладно, по рукам, — бросал шрамированный. В этот момент свет погас. Не мигнув, не потрескивая, он просто умер, погрузив зал в абсолютную, давящую тьму. Исключение составляла лишь одна, алая лампа, продолжавшая своё судорожное, демоническое мигание.

На секунду воцарилась оглушительная тишина, а затем её разорвали крики, ругань, и первые слепые выстрелы. Мужчины в костюмах, инстинктивно сбившись спинами друг к другу, начали палить в темноту, ориентируясь лишь на проклятый мигающий красный свет. — К чёрту! Это засада! — Выстрелы гремели, пули рикошетили от бетонных стен.

Но для Сакиэр эта тьма была её стихией. Она не нуждалась в свете. Она чувствовала их — их жар, их панику, их громкое, учащённое дыхание. Её силуэт мелькал в такт миганию лампы, словно кадры старой плёнки. Вот она возникла рядом с одним охранником — и его горло располосовала темная линия, прежде чем он успел вскрикнуть. Вот её нога, обладающая силой стального прута, сломала колено другому, а следующий удар локтем раздробил ему гортань. Она использовала всё: ножи, руки, ноги, саму тьму как оружие. Это не была драка; это был ритуал, алый танец смерти под одинокий стробоскоп.

Когда наконец наступила тишина, более полная и глубокая, чем когда-либо, зал был усеян тёмными, неподвижными силуэтами. Воздух был густым и тяжёлым от запаха крови, пороха и страха. И тогда Сакиэр вышла из мрака. Она ступила под тусклый, мигающий свет, её чёрный пиджак был безупречен, на матовой поверхности её ботинок не было видно следов. Лишь её глаза... её глаза, холодные и насмешливые, смотрели на двух оставшихся в живых мужчин, прижавшихся спинами к столу.

— Кто ты?! Кто тебя прислал?! — закричал шрамированный, его голос срывался на фальцет от животного ужаса. Он дрожащей рукой направлял пистолет на её грудь, в другой судорожно сжимая кейс с флешкой. Его напарник уже целился ей в голову.

— Меня? — её голос прозвучал спокойно, почти лениво.

Она неспешно делала шаг вперёд, руки по-прежнему в карманах. Её взгляд, тяжёлый и безразличный, скользнул по их бледным, искажённым гримасой лицам. — Скажем так, думаю, эта информация уже будет для вас бесполезна.

Она перевела взгляд на кейс. — Ну, а это я пожалуй, буду вынуждена у вас забрать, — произнесла она, и на её губах, скрытых маской, заиграла та самая хищная улыбка, что была видна лишь в уголках её глаз.

— Да, чёрта с два! — прохрипел мужчина и начал давить на спусковой крючок. Его напарник выстрелил первым.

Сакиэр лишь хмыкнула, едва заметно приподняв одну бровь, словно наблюдала за смешным фокусом. Она вынула правую руку из кармана. И... просто махнула кистью в их сторону, с лёгким, почти небрежным движением, будто смахивала пылинку.

В этот миг её чёрные, как ночь, глаза вспыхнули алым светом, как раскалённые угли. Ярким, неестественным, пугающим. Это было проявление воли, чистый акт телекинетической силы, сконцентрированной до невероятной остроты. Воздух между ними сгустился, стал видимым и плотным.

Раздался короткий, сухой, кошмарный хруст, словно ломались толстые сучья. Головы двух мужчин неестественно, под невозможным углом, дёрнулись и откинулись. Ужас в их глазах сменился пустотой ещё до того, как их тела, словно подкошенные, рухнули на холодный бетонный пол.

Всё затихло. Мигающая алая лампа продолжала свой

безумный танец, окрашивая неподвижные фигуры в цвет свежей крови. Сакиэр медленно подошла, её глаза уже снова стали чёрными и холодными. Она подняла кейс, извлекла оттуда флешку – маленький, ничем не примечательный кусочек пластика и металла. Коротко осмотрев, она убрала её в карман. Затем, с профессиональной эффективностью, прошлась по залу, собирая гильзы, стирая возможные следы. Она действовала быстро и хладнокровно, как уборщица, выполняющая свою ночную работу.

Покинув склад, она направилась к автоматической камере хранения на вокзале Ватерлоо. Вставила монету, открыла ящик, положила внутрь флешку, закрыла. Достала телефон, отправила заранее заготовленное сообщение: «Объект доставлен в депозит. Задание выполнено». И растворилась в ночи, как и пришла.

На следующее утро на кухне пахло кофе, жареным беконом и свежими тостами. Солнечный свет, бледный и жидкий, пробивался сквозь окно. Сакиэр сидела за столом, держа в руках свою традиционную чашку с американо. Её лицо было абсолютно спокойным, черты расслаблены. Ни тени усталости, ни отголосков ночного кошмара.

Рядом, болтая ногами, уплетал хлопья её младший брат, Итан. Мать, Элейн, стояла у плиты, переворачивая яичницу. — Спокойно спала ночью, дорогая? — спросила она, не оборачиваясь.

— Вполне, — односложно ответила Сакиэр, отпивая свой

горький напиток.

В дверях появился отец, Алан. Его лицо было мрачным, он на ходу застёгивал рубашку. — Элейн, ты не поверишь, что вчера творилось в Доклендсе! — выпалил он, хватаясь за кружку с чаем. — На одном из старых складов... бойня. Более пятидесяти человек. Все – отпетые негодяи, из банды Максвелла. Но способ... способ убийства... Следствие в ступоре. Никаких следов, никаких свидетелей. Как будто... как будто призрак прошёл.

В этот момент в дом ворвалась Лилиан, сияющая, как всегда. — Привет всем! Саки, ты видела новости? — она указала на включённый телевизор.

На экране диктор с серьёзным лицом говорил о «загадочной резне», показывали кадры оцепленного полицией здания. Сакиэр медленно перевела взгляд с отца, чьи брови были гневно сдвинуты от профессиональной досады, на телевизор, а затем на свою чашку с кофе.

Она поднесла её к губам, и в её чёрных, бездонных глазах на мгновение вспыхнула та самая, знакомая лишь ей одной, холодная, хищная усмешка. Мир наивных актёров продолжал свой спектакль. И она, режиссёр-невидимка, снова заняла своё место в зрительном зале.

Глава 3

После завтрака дом опустел, выплеснув своих обитателей в водоворот будней. Процессия двинулась в сторону школы: Сакиэр с её каменным спокойствием, Лилиан, чья болтовня напоминала щебет неугомонной птицы, и Итан, то и дело норовивший наступить на трещины в асфальте, следуя своей детской магии. Сакиэр шла, держась на полшага позади, создавая невидимый барьер между собой и миром. Её чёрный рюкзак казался легче пера, хотя внутри лежали учебники и ноутбук, способный взламывать правительственные серверы. Она наблюдала, как луч утреннего солнца, пробившийся сквозь лондонскую дымку, играет в золотых волосах Лилиан, и думала о том, как хрупок этот блеск. Один точный удар, одно мгновение – и свет может погаснуть навсегда. Эта мысль не пугала её, она была просто констатацией факта, таким же очевидным, как то, что трава зелёная.

Элейн, надев белый медицинский халат поверх своей обычной одежды, направилась в больницу Св. Томаса. Её мир пах антисептиком и надеждой. Мир её приёмной дочери пах кровью и гарью. Ирония этой раздвоенности была бы невыносима, знай она правду. Но правда была надёжно упрятана за стеной безразличия в глазах девочки.

Алан Уинстон, застёгивая на ходу последние пуговицы своей тёмно-синей полицейской формы, уже чувствовал зна-

комый холодок в животе – предвкушение запутанного дела. Его служебная машина, без опознавательных знаков, но с мощным двигателем, мягко тронулась с места. Он мчался по улицам Лондона, которые всего несколько часов назад были сценой для ночной работы его «дочери». Его мысли были сосредоточены на отчётах, свидетельских показаниях, уликах. Он искал логику, мотив, человеческую ошибку. Он не знал, что имеет дело с совершенством, лишённым и логики, и мотива, и ошибок.

На парковке у полицейского участка его уже ждал напарник. Джи Ю опирался на капот своей машины, и в этой позе была прохладная, почти кошачья грация. Он был молодым мужчиной поразительной, почти театральной красоты корейско-европейской внешности. Его чёрные волосы, коротко стриженные, отливали синевой, как крыло ворона. Лицо с резкими, словно высеченными из мрамора чертами, казалось, было лишено возраста. Но главным были его глаза – цвета зимнего шторма, серые и пронзительные, способные, казалось, видеть насквозь не только людей, но и самые запутанные дела. Сегодня на нём был безупречный тёмно-серый костюм, под которым угадывалась подтянутая, спортивная фигура. Галстук был завязан с математической точностью.

Джи Ю был человеком-парадоксом. Его ум был холодным, аналитическим скальпелем, способным рассечь любую ложь и вскрыть любой замысел. Его спокойствие в самых хаотичных ситуациях было легендой в отделе. Он говорил ти-

хо, взвешивая каждое слово, и его рассуждения всегда были безупречно выстроены. Но сейчас, под этой ледяной оболочкой, клокотало нетерпение. Он ловил себя на том, что пальцы его правой руки слегка постукивают по бедру – единственный внешний признак внутреннего волнения.

— Алан, — кивнул он, когда начальник отдела приблизился. Его голос был низким и ровным, без примесей усталости или суеты.

— Сон Джи. Видел отчёт? — Ли открыл дверь, жестом приглашая напарника в машину.

— Минут сорок назад. Становится интереснее с каждым разом, — отозвался Джи Ю, занимая пассажирское место. Его взгляд скользнул по профилю Алана, отмечая напряжение в его челюсти.

Машина тронулась, и Лондон поплыл за окном – уже не город домов и школ, а город теней и пороков. — Пятьдесят три тела, Алан, — тихо начал Джи Ю, глядя в лобовое стекло. — Все – люди Максвелла. Отборные головорезы. И всё – тихо. Ни перестрелки, ни шума. Кто-то вошёл и... выключил их. Как лампочки.

Алан мрачно хмыкнул, ловко лавируя в потоке машин. — Призраков не бывает, Сон Джи. Всегда есть след. Пуля, осколок, волосок, нитка.

— Следы есть, — парировал Джи Ю. — Но они ведут в никуда. Сломанные шеи, перерезанные глотки. Работа чистая, профессиональная. Слишком профессиональная. Как

на бойне. Никакой ярости, никакой паники. Только эффективность.

Он помолчал, собирая мысли в идеальный порядок. — Это уже десятый случай за последние восемнадцать месяцев. Все — ликвидация целых групп. Все — без свидетелей. Все — без мотива, который мы могли бы отследить. Ограблений не было, наркотики на месте, оружие на месте. Кто-то просто... проводит зачистку. Как санитар.

— Санитар с дорогими привычками, — проворчал Алан. — Такая работа стоит огромных денег. Или... — Он не договорил.

— Или это не наёмная работа, — закончил мысль Жи Ю. — А личная миссия. Но чья? И зачем? Максвелл был мелкой сошкой. Кому понадобилось устраивать такую... демонстрацию силы?

Он отвернулся к окну, наблюдая, как мелькают улицы. Его серые глаза были сосредоточены, но в их глубине плавала невысказанная тревога. Он чувствовал присутствие в городе чего-то нового. Сущности, чья тень ложилась на его карту преступлений длинными, зловещими мазками. Он не знал, что эта сущность сейчас сидела в школьном классе, с холодным безразличием взирая на доску, где учительница рисовала схему фотосинтеза. И что одним из «нитей», связывающих его с этим делом, был сам Алан Ли, даже не подозревавший, что главная загадка его карьеры возвращается каждый вечер домой к ужину.

Тем временем в школе Сакиэр сносила очередной урок – историю. Мистер Торнтон вещал о причинах Первой мировой войны. Для неё это была не история, а пособие по тактике, пропаганде и человеческой глупости. Пока он говорил о Сараевском убийстве, она мысленно просчитывала, как можно было бы устранить эрцгерцога Франца Фердинанда более эффективно, без лишних свидетелей и политического резонанса.

Лилиан, сидя рядом, строчила ей записку: «После уроков пойдём в торговый центр?» Сакиэр прочла её, и её губы на мгновение искривились в подобии улыбки. Торговый центр. Храм потребительства, ещё один театр для наивных актёров, разыгрывающих пьесы о счастье, купленном по скидке.

— «Не сегодня, — написала она в ответ. — Дела».

— «Опять дела? — тут же прилетела новая записка. — Ты всегда так занята!»

— «Да, — мысленно ответила Сакиэр, глядя на затылок учителя. — Я занята. Я переписываю учебники истории, по одному телу за раз».

Она чувствовала лёгкое, почти электрическое покалывание в кончиках пальцев – отголосок ночной работы. Использование сил, даже таких минимальных, как телекинез, всегда оставляло след, похожий на мышечную память. Её тело помнило ту легкость, с которой она сломала две жизни. И её разум, её холодный, язвительный разум, находил в этом своеобразную эстетику. Чистота смерти на фоне грязи жизни.

Когда прозвенел звонок, она вышла в коридор и, прислонившись к стене, достала телефон. Быстрое, незаметное движение пальцев – и она проверила зашифрованный почтовый ящик. Никаких новых заданий. Только подтверждение получения «депозита» и перевод средств на один из её многочисленных счетов. Она позволила себе сделать маленький глоток из своей термо-крушки с кофе. Горький вкус был напоминанием, якорем, державшим её в реальности. В этой реальности, где она была всего лишь четырнадцатилетней девочкой с слишком взрослыми глазами.

А в это время машина Алана и Джи Ю уже подъезжала к оцепленному складу. Джи Ю вышел первым, его безупречный костюм резко контрастировал с мрачной обстановкой. Его серые глаза, холодные и всевидящие, медленно скользили по фасаду здания, словно пытаясь прочесть ответ не на стенах, а в самой воздухе, пропитанном смертью. Он чувствовал это. Ощущал присутствие призрака, который уже стал навязчивой идеей в его карьере. И он не знал, что этот призрак – девочка, которую его напарник называл дочерью.

Глава 4

Последний школьный звонок, прозвеневший над Лондоном, стал для Сакиэр разрешением на молчание. Она уже мысленно прокладывала маршрут домой – кратчайший, через тихие переулки, где можно было раствориться в серости стен и остаться наедине с своими мыслями, с послевкусием кофе и металлическим привкусом ночной работы на языке. Но Лилиан, этот воплощённый солнечный луч, оказалась настойчивее, чем муха, бьющаяся о стекло.

— Саки, ну пожа-а-алуйста! — её голос, обычно звонкий, сейчас приобрёл молящие, завывающие нотки. Она уцепилась за рукав пиджака Сакиэр, словно боясь, что та испарится. — Всего на час! Мне нужен твой совет насчёт платья на вечеринку к Эмили! Ты же знаешь, у меня вкус – катастрофа. А у тебя... у тебя всегда такое чувство стиля. Холодное, безупречное. Как у супершпионки!

Сакиэр остановилась, медленно, как удав, поворачивая голову. Её чёрные, лисьи глаза с ледяным безразличием уставились на Лилиан. Она видела в её голубых глазах не просто желание – отчаянную, почти животную потребность в одобрении, в участии. Для Лилиан поход по магазинам был социальным ритуалом, способом подтвердить своё место в стае. Для Сакиэр – бессмысленной тратой времени, очередным актом в театре глупцов.

— Лилиан, нет, — её голос прозвучал ровно, без раздражения, как констатация погоды. — У меня дела.

— Какие дела? Учёба? Ты всё всегда делаешь быстрее всех! Или... твои секретные кружки? — Лилиан хитро подмигнула, воображая, что прикасается к какой-то тайне. Она и представить не могла, насколько близка к истине. — Саки, я тебя ни разу не видела в торговом центре. Это ненормально! Ты как... призрак. Давай пойдём, я угощу тебя тем самым кофейное парфе, о котором ты рассказывала!

Упоминание сладко-горького эликсира задело в Сакиэр слабую струну. Это был один из немногих якорей, связывавших её с миром простых чувственных удовольствий. Она наблюдала за Лилиан — за её надутыми губами, чуть блестящими от блеска, за её пальцами, бессознательно сжимающими ремешок сумки. И в её холодном, циничном уме родилась мысль: а почему бы и нет? Это будет своеобразным экспериментом. Наблюдением за поведением приматов в их естественной среде обитания. Возможностью отточить маскировку в условиях повышенной социальной активности.

Она испустила едва слышный вздох, который мог бы сойти за проявление слабости. — Один час, Лилиан, — произнесла она, и в глазах её мелькнула знакомая насмешка. — Ровно шестьдесят минут. И кофейное парфе — за твой счёт.

Лилиан взвизгнула от восторга, привлекая взгляды одноклассников, и тут же, захлебнувшись словами, повела её к автобусной остановке. Сакиэр шла рядом, её лицо остава-

лось каменной маской, но внутри она уже начала анализировать предстоящее: планировку здания, пути отхода, потенциальные угрозы в толпе. Для неё не существовало «просто магазина». Существовала лишь новая, плохо охраняемая территория.

«Вестфилд» встретил их оглушительным какофоническим гулом. Десятки тысяч шагов, сливающихся в сплошной шум прибоя, навязчивые ритмы поп-музыки, доносящиеся из каждого магазина, визг детей, гул эскалаторов. Воздух был густым и сладким от смешения ароматов парфюмерных бутиков, жареного теста из фуд-корта и запаха новеньких вещей.

Лилиан, словно мотылёк, летела на самый яркий свет – к стойкам с блестящими платьями. Сакиэр следовала за ней, держась на почтительном расстоянии, её чёрный силуэт резко выделялся на фоне радужного мельтешения. Она не смотрела на вещи – она сканировала людей.

Вот парочка подростков, целующаяся у фонтана – их эмоции кажутся ей такими громкими, такими дешёвыми. Вот женщина, с истерикой отчитывающая ребёнка – проявление слабости и потери контроля. Вот охранник, лениво обходящий территорию – его поза, его блуждающий взгляд кричали о непрофессионализме. — «Одного толчка у того эскалатора было бы достаточно», — мелькнула у неё мысль, и уголок губ дрогнул в холодной усмешке.

— Саки, как тебе это? — Лилиан кружилась перед зерка-

лом в платье кислотно-розового цвета.

— Это кричит, Лилиан, — безразлично ответила Сакиэр, отпивая свой обжигающий кофе со сладким, пряным послевкусием. — А тебе нужен шёпот. Что-то... голубое. Цвет твоих глаз. Чтобы подчёркивало, а не кричало.

Лилиан замерла, уставившись на неё в отражении. — Боже, Саки, ты гений! — прошептала она. — Ты всегда знаешь!

— Я просто наблюдаю, — парировала Сакиэр, и в её глазах на мгновение отразились мириады огней торгового центра, но не зажгли в них ни искорки тепла.

Она терпела прикосновения тканей, которые Лилиан тыкала ей в руки, терпела её восторги и сомнения. Этот час стал для неё пыткой обнажённой человеческой натурой, её тщеславием и жаждой потребления. Но это была также и демонстрация её абсолютного контроля. Ни один мускул на её лице не дрогнул, ни один звук раздражения не сорвался с её губ. Она была идеальной статуей, наблюдающей за суетой муравейника.

Тем временем на складе в Доклендсе царила мрачная, сосредоточенная тишина, нарушаемая лишь щелчками фотоаппаратов криминалистов и приглушёнными голосами. Воздух был густым и тяжёлым, с примесью запаха пыли, старого металла и сладковатого, неприятного душка смерти, который не выветривался, несмотря на открытые ворота.

Алан Уинстон стоял посреди главного зала, его руки упёрты в бока. Он смотрел на контурные рисунки, отмечавшие

места падения тел. Они лежали причудливыми, нелепыми позами, застывшими в последнем, неожиданном для них мгновении.

— Ничего, — сквозь зубы прорычал он. — Ни чёртовых пуль, кроме тех, что выпустили эти два идиота в костюмах. Ни следов борьбы. Как будто... как будто их все загипнотизировали и просто прикончили.

Джи Ю не стоял на месте. Он двигался по залу медленно, почти бесшумно, его тёмный костюм был единственным пятном порядка в этом хаосе. Его серые глаза, холодные и пронизательные, скользили по окружающей обстановке, впитывая каждую деталь. Он не смотрел на тела — он читал пространство.

Он остановился у первого охранника, того, что был убит в узком коридоре. — Смотри, Алан, — его голос был тихим, но отчётливым в гробовой тишине. — Подход сзади. Удар основанием ладони в основание черепа, чтобы оглушить, и мгновенный, резкий поворот головы. Рассчитанное усилие. Ни грамма лишней энергии. Это не драка. Это... процедура.

Он переместился к следующей группе тел. — Здесь работал уже клинок. Длинный, узкий, вероятно, стилет. Удары наносились снизу вверх, под ребра, или в шею, с перерезанием гортани. Опять же — тихо, эффективно. Нападавший знал анатомию. Или... чувствовал её.

Алан подошёл ближе, хмурясь. — Один человек, Сон Джи? Против пятидесяти? Да это невозможно!

— Статистически — да, — согласился Джи Ю, не отрывая взгляда от пятна крови на стене. — Но посмотри на траекторию движения. Смотри. — Он провёл рукой по воображаемой линии в воздухе. — Он вошёл сюда. Убрал пятерых здесь, чтобы обеспечить тихий плацдарм. Двигался по коридору, используя темноту как союзник. Он не вступал в открытую конфронтацию. Он резал и шёл дальше. Это тактика спецназа. Но... более отточенная. Более интуитивная.

Он подошёл к центру зала, к тому месту, где упали два босса. — И здесь... здесь самое интересное. — Он присел на корточки, рассматривая неестественный изгиб их шей. На их лицах застыла маска ужаса, но не боли. — Никаких следов ударов. Никаких следов борьбы. Шеи сломаны с нечеловеческой силой и... точностью. Как если бы их головами просто крутанули на триста шестьдесят градусов дистанционно.

Джи Ю поднял голову, его взгляд встретился с взглядом Алана. В серых глазах молодого человека горел холодный, почти одержимый огонь. — Алан, я сталкивался с наёмниками, с убийцами-маньяками, с профессионалами. Но это... это что-то другое. Это не гнев, не жажда наживы. Это что-то... методичное. Холодное, как математическое уравнение. Убийство как искусство. И этот «художник»... он абсолютно уверен в своей безнаказанности. Он оставляет нам трупы, как намёк. Как вызов.

В этот момент его телефон тихо вибрировал. Он взглянул на экран — отчёт из криминалистической лаборатории.

Предварительные данные: никаких посторонних ДНК, никаких отпечатков, кроме тех, что принадлежат жертвам. Никаких следов обуви. Ничего.

Джи Ю медленно поднялся. — Призрак, Алан, — тихо произнёс он. — Мы охотимся за призраком. Который, возможно, уже смеётся над нами, глядя на эти новости из своего уютного дома.

Он не знал, насколько был прав. В этот самый момент его «призрак», с чашкой пустого кофе в руке, выходил из торгового центра, оставляя за спиной Лилиан с победно купленным голубым платьем. Оба мира – блеск и прах, существовали в одном городе, в одном временном промежутке, разделённые лишь тонкой, невидимой пеленой обмана. И Сакиэр Ли была единственной, кто свободно шагал по обе её стороны.

Глава 5

Неделя пролетела, как один долгий, монотонный день, отмеряемый звонками на уроках и горькими глотками кофе. Календарь безразлично отметил, что Сакиэр Ли исполнилось пятнадцать. Для неё эта дата была не вехой, а лишь очередным напоминанием о беге времени, которое она предпочла бы остановить. Дни рождения – это праздник для тех, кто рад своему существованию, кто видит в жизни ценность. Она же видела в ней сложную, часто скучную миссию, в перемешку со всплесками адреналина. Она никогда не отмечала их. Не было торта, не было свечей, не было подарков. Было лишь тихое, внутреннее ощущение, что она стала на год старше, опытнее и ещё дальше от той иллюзии нормальности, которую так старательно выстраивала её семья.

Однако у Лилиан на этот счёт было своё, неоспоримое мнение. Сидя на уроке литературы, пока учитель разбирал шекспировские сонеты, она просунула Сакиэр записку, испещрённую сердечками и восклицательными знаками.

«15 лет!!! Это же целая эпоха! Ты не можешь просто так это проигнорировать! Никаких вечеринок, ладно, я поняла. Но мы **ОБЯЗАТЕЛЬНО** идём завтра в «Авалон-парк»! Я уже всё решила! И мы берём с собой Итана! Он будет в восторге, а ты... ну, ты хотя бы попробуешь побыть обычным подростком. Всего на несколько часов! Обещаю, это будет весело!»

Сакиэр прочла послание, и её пальцы чуть смяли бумагу. «Авалон-парк». Гигантский, кричащий памятник человеческой жажде простых удовольствий. Карусели, американские горки, сахарная вата и толпы, толпы, толпы людей. Ад в её самом ярком и шумном воплощении. Она уже открыла рот, чтобы произнести своё коронное, леденящее «нет», но увидела в глазах Лилиан не просто настойчивость, а нечто большее — искреннюю, почти материнскую заботу. Подруга пыталась вытащить её из скорлупы, вернуть к жизни. Это было тщетно, наивно и... трогательно. В той мере, в какой Сакиэр вообще была способна испытывать подобные чувства.

Она испустила усталый, почти неслышный вздох, который затерялся в гуле класса. «Хорошо, Лилиан, — она написала на обороте той же записки. — Но только на пару часов. И если Итану это не понравится, мы уходим сразу». Лилиан чуть не вскрикнула от восторга, зажав ладонью рот, и тут же начала строить планы, рисуя на полях тетради схему парка.

Вернувшись домой, Сакиэр отгородилась в своей комнате цвета индиго. Она включила компьютер, и её пальцы привычным движением запустили шифровальщик. И тут её взгляд, всегда бесстрастный, на мгновение задержался на экране. В почтовом ящике лежало новое, помеченное знаком срочности, письмо. Она открыла его.

Задание было не на ликвидацию, а на защиту. Необычно. «Предотвратить убийство. Объекты: сэр Артур Пембридж, министр обороны, и его сын, Люсиус Пембридж,

10 лет. Угроза: группа «Алый Рассвет» (4 боевика). План: устранение в людном месте с использованием трёх взрывных устройств для создания паники и прикрытия. Локация: «Авалон-парк». Время: завтра, с 14:00 до 16:00. Задача: нейтрализовать боевиков, обезвредить устройства. Сохранение жизни объектов – приоритет. Отсутствие свидетелей и паники – обязательное условие.»

Сакиэр откинулась в кресле, и на её губах медленно расплзлась та самая, хищная, беззвучная улыбка. Судьба, казалось, обладала изощрённым, циничным чувством юмора. Её первое «добровольное» посещение парка развлечений превращалось в рабочую командировку. Теперь у неё была веская причина быть там. Не как зритель, а как режиссёр. Не как жертва, а как хищник. Лилиан хотела, чтобы она побыла обычным подростком. Вместо этого ей предстояло стать невидимым ангелом-хранителем, чья защита будет заключаться в тихой, беспощадной смерти.

Суббота встретила их неестественно тёплым для Лондона солнцем. Парк «Авалон» был морем огней, музыки и восторженных криков. Итан, держась за руку Сакиэр, сиял, его глаза были круглыми от изумления. Лилиан, в своём новом голубом платье, выглядела как сошедшая с обложки журнала принцесса этого бутафорского королевства.

Сакиэр была одета в своё привычное чёрное: узкие брюки, ботинки на платформе и на этот раз – чёрная водолазка, идеально скрывающая контуры тела. В её небольшой сумке

лежали не учебники, а набор для обезвреживания взрывных устройств, свёрнутый до размеров пудреницы, и два её верных стилета. Её глаза, скрытые за тёмными очками, уже работали, сканируя толпу.

Она быстро вычислила охрану Пембриджа – двух напряжённых мужчин в слишком тёплых для погоды куртках, неотступно следующих за министром и его резвящимся сыном. Затем она нашла их. Четверо. Они не смотрели на аттракционы. Их взгляды метались, оценивая расстояния, толпу, пути отхода. Один пристроился у ларька с сахарной ватой, другой изображал очередь на «Американские горки», третий крутился у колеса обозрения, четвёртый, самый опасный, с пустым, отстранённым взглядом, сидел на скамейке с рюкзаком на коленях – именно в нём, как ей подсказала интуиция, находился пульт дистанционного управления.

— Саки, пойдём на «Вихрь»! — потянула её за руку Лилиан.

— Сначала колесо обозрения,— холодно парировала Сакиэр. — Я хочу увидеть парк с высоты.

Это была ложь. Колесо обозрения давало тактическое преимущество – панорамный обзор.

Пока их кабинка медленно поднималась, Итан в восторге прилип к стеклу, а Лилиан делала селфи, Сакиэр сняла очки. Её взгляд, острый и холодный, выхватывал детали. Взрывное устройство 1: закреплено под одной из скамеек у входа в «Комнату ужасов». Устройство 2: в мусорном баке у ларька

с хот-догами. Устройство 3, самое мощное, судя по поведению носителя, – в механизме самого колеса обозрения. Расчёт был ясен: сначала взрывы на земле, паника, давка, затем детонация на колесе – падающие кабинки, огонь, тотальный хаос. На фоне этого – тихий выстрел по Пембриджу.

— Лилиан, — голос Сакиэр прозвучал ровно, но с лёгкой, искусной ноткой беспокойства. — У Итана, кажется, кружится голова. Давай спустимся и посидим в тихом месте, возле той «Комнаты ужасов». Там тень.

Лилиан мгновенно встревожившись, согласилась.

Спустившись, Сакиэр усадила Итана на скамейку – ту самую, под которой была бомба. — Посиди с ним, — приказала она Лилиан. — Я куплю ему воды.

Она отошла, её движения были неторопливы, но каждая мышца была напряжена. Проходя мимо мусорного бака, она «обронила» ключ. Нагнувшись, она на секунду засунула руку внутрь. Её сознание, как скальпель, проникло внутрь механизма. Манипуляция материей на клеточном уровне. Она не разбирала провода – она заставила химические соединения взрывчатки распасться на инертные компоненты. Теперь это была просто куча пластика и металла.

Затем она направилась к ларьку с сахарной ватой. Боевик, стоявший там, почувствовал её приближение и обернулся. Их взгляды встретились. В его глазах она увидела готовность, жестокость. В её – ледяную пустоту. Она прошла мимо, слегка задев его плечом.

— Извините, — произнесла она безразличным тоном. В этот миг её пальцы, движимые телекинетическим импульсом, вонзили невидимый клинок энергии прямо в его сонную артерию изнутри. Микроскопический разрыв. Мужчина схватился за шею, глаза его выкатились от непонимания, и он беззвучно осел за прилавок, словно подавившись. Никто не заметил.

Следующим был человек в очереди на горки. Она «случайно» толкнула его в спину, когда мимо пробежала стайка детей. Её рука на долю секунды коснулась его поясницы. Телекинез, сконцентрированный до невероятной остроты, проник сквозь ткань и кожу, сместив два позвонка так, что они пережали спинной мозг. Он рухнул с тихим стоном, и люди вокруг решили, что ему просто стало плохо от жары.

Третьего, у колеса обозрения, она убрала, когда поднялась «проверить, не остался ли там её телефон». В узком коридорчике для обслуживания её стилет блеснул лишь раз. Тело она стащила в техническое помещение.

Оставался последний – человек с рюкзаком на скамейке. Он уже начал нервничать, его товарищи не выходили на связь. Его рука потянулась к молнии на рюкзаке. Сакиэр шла прямо на него, улыбаясь своей хищной, беззвучной улыбкой. Их взгляды встретились. Он увидел в её глазах не девушку, а смерть. Он попытался вскочить, но не смог. Её воля, тяжёлая, как свинец, приковала его к месту. Его пальцы одеревенели.

Она села рядом. — Не стоит, — тихо произнесла она, глядя прямо перед собой, будто разговаривая сама с собой. — Твои игрушки сломаны. Твои друзья уснули. Вечная дрема. — Её глаза под очками на мгновение вспыхнули алым. Пульт в рюкзаке зашипел, и из него повалил дымок. Одновременно с этим раздался тихий, костлявый хруст — шея боевика сломалась сама собой, без единого прикосновения.

Она встала, поправила рюкзак и направилась обратно к Лилиан и Итану. — Всё в порядке? — спросила Лилиан.

— Абсолютно — ответила Сакиэр, глядя, как сэр Пембридж, ничего не подозревая, покупает сыну воздушный шарик. — Просто небольшой сбой в системе. Ничего важного.

Она купила Итану огромную порцию сахарной ваты и себе — кофе. Горечь были как награда. Она спасла десятки, может быть, сотни жизней. Но не из сострадания. Она просто выполнила работу. Убрала беспорядок. И в процессе этого подарила себе самый необычный подарок на день рождения — чувство полного, абсолютного контроля над хаотичным, глупым миром, который она была обречена защищать, презируя каждую его секунду. Где-то вдалеке завывла сирена скорой помощи, подъехавшей к «пострадавшему» от теплового удара. Спектакль продолжался. И она, как всегда, оставалась единственным зрителем, видевшим все кулисы.

Глава 6

Солнце начинало клониться к западу, отливая «Авалон-парк» в золоте и длинных, уходящих тенях. Атмосфера была уже не столь беззаботной – её портил едва уловимый, но неумолимый запах тревоги. Где-то вдали завывали сирены скорой помощи и полицейских машин, привлекая любопытные и беспокойные взгляды. Для толпы это было лишь небольшим происшествием, развлечением второго сорта – «кто-то упал в обморок от жары». Для Сакиэр Ли это был финальный аккорд в безупречно исполненной симфонии контроля.

Она сидела за столиком в открытом кафе на территории парка, поправляя тёмные очки. Перед ней стоял высокий стакан с капучино, увенчанный ровной пенкой, и тарелка с карпаччо из говядины, щедро сдобренным острым соусом чили и тонкими ломтиками маринованных грибов. Горьковато-нежный вкус кофе и обжигающая, пряная острота мяса создавали идеальный контраст, успокаивая её нервы, приведённые в боевую готовность. Итан, уставший и счастливый, дремал, положив голову ей на колено. Лилиан, с телефоном в руках, с возмущением читала вслух первые новостные сводки: — «Необъяснимые случаи потери сознания и один несчастный случай на службе технического обслуживания в «Авалон-парке»...

Именно в этот момент к главному входу парка, уже оцепленному полицией, подкатила знакомая Сакиэр машина без опознавательных знаков. Из неё вышли двое мужчин. Алан в своей тёмно-синей форме, его лицо было озабоченным и суровым. И рядом с ним – Сон Джи Ю.

Молодой человек, чья красота казалась неестественной на фоне этого балагана, был одет в свой неизменный безупречный тёмный костюм. Но сегодня к нему добавился тонкий кашемировый плащ, развевающийся за его спиной при ходьбе. Его чёрные волосы были идеально уложены, а лицо с резкими, словно высеченными чертами, оставалось абсолютно спокойным. Однако его глаза – глаза цвета зимнего шторма, уже работали. Они не бегали по сторонам, а медленно, подобно сканеру, охватывали панораму: толпу, аттракционы, крыши зданий, паттерны движения людей. Он вдыхал воздух, словно пытался уловить в нём не запах попкорна и сахарной ваты, а что-то иное – запах страха, металлический привкус крови или едва уловимый шлейф взрывчатки.

— Чёрт возьми, Сон Джи, — проворчал Алан, продираясь сквозь толпу зевак. — Опять это место. Министр обороны был здесь сегодня с сыном. И тут такое. Слишком много совпадений.

— Совпадение – это непризнанная нами закономерность, Алан, — тихо ответил Джи Ю, его взгляд зацепился за группу медиков, увозящих на каталке тело того самого боевика со сломанной шеей. — Давайте начнём с него.

Их провели к телу. Джи Ю не стал надевать перчатки. Он присел на корточки, его движения были плавными и лишёнными суеты. Он не прикасался к труп, лишь изучал его. Его серые глаза сузились.

— Смотри, Алан, — его голос был ровным, но в нём слышалась стальная нить. — Ни синяков, ни ссадин на шее. Ни следов от удара. Никаких признаков борьбы под ногтями. Шейные позвонки не просто сломаны, они... смещены с невероятной, почти хирургической точностью. Как будто его голова была зажата в тисках из чистого усилия воли.

Он поднял взгляд, обводя пространство вокруг. — И где его рюкзак? — спросил он у одного из офицеров.

— Вот, сэр. Внутри всё оплавлено. Похоже на короткое замыкание какого-то устройства.

Джи Ю взял рюкзак, но не заглянул внутрь. Он просто держал его в руках, словно пытаясь прочесть его историю. — Его не ударили, Алан. Его... выключили. Так же, как и тех двоих на складе. Та же подпись. Та же рука.

Затем они двинулись к «Комнате ужасов». Криминалисты как раз извлекали из-под скамьи обезвреженное взрывное устройство. — Оно... не сработало, — растерянно доложил техник. — Химический состав взрывчатки каким-то образом инертен. Как будто она... испортилась.

Джи Ю молча осмотрел устройство, затем мусорный бак, где нашли второе. Его лицо оставалось невозмутимым, но в глазах загорелся тот самый холодный, одержимый огонёк.

— Три устройства. Все обезврежены. Четверо боевиков, известных нам как «Алый Рассвет», мертвы. Министр и его сын живы-здоровы и даже не подозревают, что были мишенями. Паники нет. Никаких следов. — Он медленно выпрямился и повернулся к Алану. — Наш «призрак» был здесь, Алан. Сегодня. Он не просто убивал. Он защищал. Он видел картину целиком и действовал на опережение. Он знал о бомбах, о боевиках, о плане. У него есть доступ к информации, которой нет у нас.

В этот момент его взгляд, блуждавший по толпе, случайно упал на открытое кафе. Он скользнул по Лилиан, по спящему Итану... и остановился на Сакиэр. На девушке в тёмных очках, которая с невозмутимым спокойствием отламывала кусочек хлеба, обмакивала его в острый соус и отправляла в рот. Она не смотрела на них. Она смотрела куда-то вдаль, на колесо обозрения, и на её губах играла та самая, едва заметная, хищная усмешка, которую Джи Ю уже начал нутром чувствовать в каждом своём деле.

Он не видел её лица целиком, только нижнюю часть — упрямый подбородок, тонкие губы, искажённые этой странной, недетской улыбкой. Но что-то в её позе, в этой абсолютной, леденящей безмятежности среди хаоса, заставило его замереть на мгновение. Это была не отстранённость испуганного подростка. Это было... всевидящее спокойствие хищника, отдыхающего после удачной охоты.

— Алан, — тихо, почти инстинктивно, произнёс Джи Ю.

— Это твоя дочь, да?

Алан, оторвавшись от разговора по рации, обернулся. — А, да. Сакиэр. Она здесь с подругой и братом. — Он вздохнул. — Повезло, что ничего серьёзного не случилось, а то могли и пострадать.

Джи Ю не отвечал. Его пронзительный, серый взгляд всё ещё был прикован к Сакиэр. Он видел, как её пальцы сжимают стакан с капучино – длинные, тонкие, удивительно спокойные пальцы. Пальцы пианиста или... хирурга. В его уме, настроенном на вычисление вероятностей, возникла безумная, невысказанная мысль. Цепочка совпадений: склад в Доклендсе, парк «Авалон», необъяснимые смерти, безупречная работа. И вот она – дочь его напарника, ребёнок с глазами старой, уставшей души, появляющаяся на месте преступления сразу после его совершения. Слишком много совпадений.

Сакиэр почувствовала его взгляд. Она медленно, не спеша, повернула голову в его сторону. Тёмные стёкла очков скрывали её глаза, но она знала, что он смотрит. И она знала, что он что-то подозревает. Внутри у неё всё похолодело, но внешне она не дрогнула. Она лишь чуть заметно кивнула в его сторону, словно приветствуя знакомого отца, а затем снова отвернулась, поднося стакан к губам.

— Холодная девочка, — наконец, произнёс Джи Ю, отводя взгляд. Но в его тоне не было осуждения. Был интерес. Интерес охотника, учувшего самый сложный и ценный след

в своей карьере.

— Да уж, — флегматично согласился Алан. — Характер у неё... сложный. Но умница. И брата обожает.

Тем временем Сакиэр допила свой капучино. Острая пища и кофе сделали своё дело – успокоили нервы и прояснили мысли. Угроза была нейтрализована. Задание выполнено. Но на горизонте появилась новая, куда более близкая и опасная угроза. Не слепой, озверевший террорист, а умный, проныцательный детектив с глазами цвета грозового неба. Игра только что стала значительно интереснее. И впервые за долгое время Сакиэр Ли почувствовала не раздражение, а лёгкое, щекочущее нервы ожидание. Наконец-то появился достойный противник.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.